

Перевод: mars

Редактор: Naides

Минлань играла роль стороннего наблюдателя. После того, как она увидела, что Данцзюй становится всё более и более задумчивой, она, наконец, почувствовала облегчение. Сначала она подумала, что Данцзюй была слишком добра ко всем, и ей не хватало благородных манер, но если подумать об этом, сама Минлань тоже не могла действовать жёстко, так как она была всего лишь незаконной дочерью семьи Шэн. Как она могла ожидать, что Данцзюй будет решительной и строгой?

После того, как постановление вступило в силу, в течение нескольких дней все те служанки получили по заслугам. Некоторых избили, некоторых оштрафовали, а тех, кто допустил серьезные ошибки, выгнали. В Доме Благоприятности вновь воцарились мир и покой. Минлань также была очень довольна своим организованным двором. Затем Сяотао вовремя польстила Минлань:

— Госпожа, вы так эффективны и умны!

— Нетрудно наказывать слуг в таких больших семьях, как у нас, — загадочно ответила Минлань.  
— Но с людьми, от которых эти слуги тайно получали приказы, труднее иметь дело.

Вот почему дела знатных семей всегда были сложными.

На самом деле, Сяотао не поняла, что имела в виду Минлань, но это не помешало ей продолжать заискивать перед ней:

— Как вы умны! И как вы эффективны, госпожа!

— Разве ты не можешь похвалить свою госпожу какими-нибудь другими словами? — повернувшись, с невозмутимым видом спросила Минлань.

— Госпожа... — дёрнув уголок рта, ответила Сяотао, почувствовав неловкость. — Вы знаете о моих добрых намерениях, этого достаточно. Разве вы не говорили нам, что не всё так, как кажется?

Минлань долго смотрела на Сяотао, потом вздохнула и, похлопав свою маленькую служанку по плечу, сказала:

— Ты права.

Через несколько дней посыльный пришел сообщить, что Хай Ши родила девочку.

Минлань выбрала две нитки монет крупного номинала. Там было девятнадцать золотых монет, на каждой из которых были выгравированы благоприятные слова.

— К счастью, я предусмотрительная девушка. Старшая сестра тоже вот-вот родит. В Третий день омовения их детей я могу подарить связки с монетами каждому из них, — с гордостью сказала она.

В древние времена в присутствии всех членов семьи ребенка купали через три дня, после его рождения. И этот день назывался Третий день омовения.

— Разве этот подарок... не слишком скромный? — Данцзюй осторожно напомнила об этом. В конце концов, семья Гу была богаче, чем семья Лян и семья Вень. — Кроме того, госпожа, вы действительно собираетесь преподнести им одинаковые подарки?

Данцзюй закусила губу. По её мнению, Хай Ши относилась к Минлань намного лучше, чем Хуалань.

— Моя глупая Данцзюй, запомни это, все подарки, которые даются кому-то на публике, не должны быть слишком вычурными. Ты хочешь, чтобы другие считали нас выскочками? Кроме того, что ты хочешь, чтобы четвертая и пятая сестры сделали, если мы дадим дорогие подарки? — прочитала ей лекцию Минлань. — Какие подарки они должны преподнести? Даты рождения двух новорожденных так близки. Если мои подарки двум малышам не будут одинаковыми, я только навлеку на себя неприятности. Когда мы преподносим подарки, мы должны позволить получателям и самим себе насладиться этой процедурой. Я могу приготовить что-нибудь дорогое для старшей невестки на праздник в честь исполнения одного месяца её ребенку.

Солнце ярко светило на Третий день омовения ребёнка из семьи Шэн. После того, как Минлань сказала Гу Тинье, куда она поедет, она взяла небольшой паланкин и отправилась в поместье Шэн. В этот день у Шэн Хуна был выходной, поэтому Минлань первым делом отправилась навестить его. Когда она вошла в комнату, то увидела, что Шэн Хун ругает Ван Ши за что-то с невозмутимым лицом. Тем временем Жулань стояла рядом с ними с подавленным выражением лица.

После того, как Минлань поклонилась родителям, она с улыбкой встала и сказала тихим голосом:

— Папа, твоя борода стала длиннее. Хм, почти такой же длинной, как у премьер-министра Шэня.

Шэн Хун не смог сдержать ухмылки. Затем он погладил свою длинную бороду, для сохранения которой он приложил много усилий, и сказал с притворством:

— Не говори глупостей! Ты уже замужем. Перестань вести себя как ребёнок!

— Папа, ты абсолютно прав. Недавно я получила небольшой гребень, сделанный из рога носорога из округа Юньнань, — сделав шаг вперёд, с очаровательной улыбкой произнесла Минлань. — Я сохранила его специально для тебя. Я попрошу кого-нибудь принести его тебе позже... Теперь я не кажусь ребёнком, верно?

Шен Хун больше не мог сохранять серьёзное лицо.

— Отдай это своему собственному мужу! — рассмеявшись, проворчал он.

— В этом нет необходимости. Он военный офицер. Я никогда не слышала, чтобы какой-либо командир, носивший длинную бороду, выигрывал битву, кроме Гуань Юя. Борода была бы для него только обузой, когда он ездил верхом, — покачав головой, ответила Минлань. — Папа, твой зять всё ещё не способен на то, что может сделать Гуань Юй!

Шен Хун не мог удержаться от громкого смеха, указывая на Минлань и качая головой. После этого Минлань повернулась, чтобы посмотреть на Ван Ши.

— Я так много дней не видела вас, госпожа, — с улыбкой произнесла она. — Вы выглядите ещё моложе, чем раньше. Ну, как говорят, что дочери только заставляют свою мать волноваться. Теперь, когда все ваши четыре дочери вышли замуж, вы, должно быть, испытываете сильное облегчение.

После того, как Ван Ши услышала это, её рот, который был плотно закрыт, наконец-то расслабился. Внезапно Жулань увидела, как поднимается занавес во внутренней комнате. За занавеской домоправительница Лю Кун подмигивала ей как сумасшедшая. Жулань заметила выражение лица Шэн Хуна, а затем подошла к Минлань и сказала:

— Конечно, ты далеко не первая среди тех, из-за кого болит голова у нашей матери.

Минлань повернула голову и смерила Жулань взглядом с головы до ног. Затем она притворилась просветленной и сказала:

— Я вдруг вспомнила, что госпожа полностью расслабилась после того, как пятая сестра вышла замуж!

— Злая девчонка! — засмеявшись, Жулань попыталась ущипнуть Минлань. — Ты снова дразнишь меня!

Напряжение в комнате сразу же спало. Домоправительница Лю Кун втайне восхищалась Минлань и думала: «Шестая госпожа действительно так хороша в общении с людьми. Она никогда не нервничает, когда сталкивается с Шэн Хуном и Ван Ши. Каждый раз, когда она

находится в одной комнате со своими родителями, она всегда вызывает счастливый смех и хорошо себя ведёт».

Особенно это касалось Шэн Хуна, Минлань никогда не выказывала никаких признаков обиды на него или отчуждения, потому что он оказал ей холодный приём. Вместо этого она вела себя так, как будто он действительно был хорошим отцом. Она радовалась каждый раз, когда встречала его, и всегда знала, какие слова подбодрят Шэн Хуна. Сам Шэн Хун же, со временем, проникся к ней ещё большей симпатией. Всякий раз, когда он получал драгоценные вещи, он никогда не забывал оставить кусочек для Минлань.

После того, как они немного поговорили, Ван Ши повела их в комнату Хай Ши. По дороге туда у Ван Ши всё ещё было мрачное лицо. Служанки и старшие слуги сопровождали её впереди, в то время как Минлань и Жулань шли позади них, держась за руки, и перешёптываясь друг с другом.

— Что с тобой случилось? Ты только что вернулась, почему отец рассердился на тебя? — взглянув на идущую впереди Ван Ши, Минлань спросила, нарочно замедляя шаг.

— Жизнь в Императорской академии тяжелая. Недавно я услышала, что одного из тамошних чиновников могут отправить в местное отделение в районе Сычуань, — вздохнув, ответила Жулань. — Но это богатое место. Я боялась, что...

Минлань сразу всё поняла. Она взяла Жулань за руку и пошла ещё медленнее.

— Значит, ты попросила папу и брата о помощи? — спросила она.

— Нет, я только немного пожаловалась маме. Я не ожидала, что мама скажет об этом отцу. И после этого я оказалась раскритикована отцом, — Жулань сделала угрюмое выражение лица и, казалось, жаловалась на ненужный шаг Ван Ши.

Посмотрев на Ван Ши, которая сжимала свои плечи, Минлань не могла не вздохнуть, думая: «Эта женщина действительно...»

Жулань, такая же раздражённая, как и она, дернула Минлань за рукав и сказала:

— Скажи мне, почему папа не мог нам помочь? Даже если у него нет возможности, ему не нужно было ругать меня! — так как Минлань знала о ней всё, включая её личную встречу с Вень Яньцзином ночью, Жулань всегда говорила с ней прямо.

Минлань приблизилась к уху Жулань и спросила:

— Пятый зять сказал, что хочет, чтобы папа и брат помогли ему?

— Нет.

— Он о чём-то намеренно намекал тебе? Например, стонал или показывал раздраженный вид перед тобой?

— Ни то, ни другое, — покачав головой, возразила Жулань. — Мой муж никогда ничего от меня не скрывает. В тот день он только беззаботно рассказал мне об этом после работы. Он даже рассмеялся и сказал, что не знает, кто из его коллег получит эту работу с помощью социальных связей.

— Итак, пятая сестра, вот в чём ты ошиблась, — Минлань кивнула и продолжила. — Во-первых, мой пятый зять, возможно, не позволит тебе протянуть руку помощи. Во-вторых, ты попросила нашего отца о помощи, прежде чем ты и Пятый зять согласовали это. Возможно, твой муж будет недоволен, потому что у него могут быть свои способы. В-третьих, если отец и брат сочтут эту должность очень многообещающей, они сами помогут пятому зятю. Если они этого не сделают, и ты всё равно попросишь у них помощи, они будут считать пятого зятя бесполезным человеком, который может положиться только на свою жену.

Три причины, о которых рассказала Минлань, действительно шокировали Жулань.

— Твои слова... кажется, в этом есть смысл, — пробормотала она.